

Наталья СТЕБЛЮК

РАСХЕРАСПЕРИСТОСТЬ как метод в метаромане Анатолия Кима «Остров Ионы»

Имя выдающегося писателя Анатолия Андреевича Кима тесно связано с казахстанской культурой: он переводчик книг казахских классиков Абдижамила Нурпеисова, Абиша Кекелбаева, Дукенбая Досжана, Оралхана Бокеева, Толена Абдика, нового перевода эпоса Мухтара Ауэзова «Путь Абая», сценарист фильма «Сестра моя Люся» режиссера Ермека Шинарбаева о своем чимкентском детстве в депортированной с Дальнего Востока корейской семье. И это та точка в мироздании, откуда берет начало его духоподъемная проза, открывающая читателям новые миры и беспредельность

человеческого духа. С днем рождения, дорогой Анатолий Андреевич, с 85-летием! Здоровья и многая лета под покровительством Хранителя Слов.

Книга начинается по-средневековому торжественно: «Поручаю писателю А. Киму записать то, что нашлю в его сознание через русское слово...», – сразу захотелось преклонить колени на моленную подушечку и не отсвечивать своей сомнительной эрудицией в области религии. А Глас свыше продолжает без паузы: «...отчего и пробудится у одного московского голубя солнценосное желание по устройению весеннего гнезда».

Выдох с облегчением, мистический настрой меняется на простое человеческое любопытство. Симпатичная орнитологическая зарисовка о гнездовании молодого московского сизаря, достойная пера классиков жанра, М. Пришвина или М. Зверева. Но не успели мы как следует вчитаться, как закадровый голос вмешивается с монологом:

«Я не могу ни уловить, ни выразить себя, своего вечного чувства, потому что непосредственно пребываю в нём – Я есть само это чувство. Глубинные же бойкие движения головою, её повороты в одну сторону, в другую с зажатым в клюве прутиком являли собою выражение вонне чувства бессмертия (слово это будет писаться с буквой “з”, а не с двумя “с”, как определено правилом русской орфографии. – Пояснение А. Кима), и таковое естественным образом проявляется во всех птицах, деревьях и крылатых семенах».

Красиво сказано, буквально как стихотворение в прозе! Тут начинает проясняться замысел, так сказать, сверхзадача романа. БезСмертие – подумав секунду, мы понимаем, почему писатель настаивает именно на такой орфографии. Потому что в данном случае это возвращает слову его исконный смысл, не отягощенный шлейфом последующих нюансов значений вроде бессмертия как духовной победы над смертью и т. д. БезСмертие – жизнь без смерти. Всё чётко. Глас небесный распахнул перед нами на минутку творческий замысел, обозначил одну из вечных тем человечества, причем рас-

пахнул с другого конца, не со стороны первоначальных мрачных ожиданий, а со стороны жизнеутверждающего Света. Дальше автор переходит к представлению первых своих персонажей и делает он это, прямо скажем, не по-людски. Вернее, не по-взрослому, а по-детски. Попросту лепит их встык друг к другу через весьма условные перебивки типа: «Голубь даже не поправлял свою работу. Точно так же небрежно относился к строительству своего дома и американский квакер Стивен Крейслер», или: «у них было точно такое же спокойное и томительное чувство на сердце, ... как и у румынского принца Догешти». Получилась небольшая цепочка из равновеликих персон. В буквальном смысле равновеликих – здесь голубь такого же размера, как простой американский парень русско-немецкого происхождения, и их обоих не превосходит размером и значимостью молодой румынский правитель, эрудит и эстет. Стилистика, похожая на плоскостную средневековую живопись, существовавшую еще до открытия закона перспективы в изобразительном искусстве (закон этот, как известно, был открыт мастерами эпохи Возрождения). На средневековом полотне или доске всё было рядом, все были вместе, на одинаковом расстоянии от взгляда. Такова первая стилистическая особенность романа. Таким же образом будут показаны нам все герои и события. Обоснование этого художественного приема прозвучит чуть позже, в очередном красивом монологе представителя Небесных Сфер:

«Всё в Доме Творящего Отца расположено было близко друг к другу, тепло завито один возле другого, тесно приближено один к другому – гармония была законом общежития в Его Доме, и этот закон в равной мере касался всех: и мышки полевой, и облаков небесных, и пастыря их, Солнца, и всех остальных звезд мироздания». Обратите внимание: рассказ ведется в прошедшем времени. Значит, былой гармонии уже не существует? Это придаёт монологу невыразимую печаль и даже наводит на мысль: не в поисках ли утраченной гармонии состоит тайная и истинная причина предстоящей героям экспедиции? Итак, первые три персонажа объединены темой строительства дома. Назовём её условно первым шагом к безсмертию.

«Очерченный магический круг в мировом пространстве, называемый людьми “мой дом”, “моя крепость”, – это земной образ Божьего Мироздания. И стало быть, появлению в любом живом существе, будь то человек, рыба или ласточка, желания построить себе дом, свою нору или гнездо соответствует верховная страсть Творца отделить свет от тьмы, звёзды от пустот космоса, небо от земли и воду от суши. Ведь всё это Он и называет МОЙ ДОМ».

Такова глубинная значимость первого шага. Шаг второй – зачатие и рождение потомства. Он разделяется на два равновеликих ответвления: потребность любить и быть любимым и потребность в творческой деятельности. «Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие добрые дела». Здесь нам представляют нового героя, студента-художника, здорового, сексуально озабоченного невинного юношу. Его эротические приключения описываются словно бы двумя разными авторами – во-первых, исследователем-физиологом, и, во-вторых, эпической песней акына, придающей событиям магический смысл. История о совокуплении паренька с Рекой, Водой, Землей, начавшись как лабораторное наблюдение за проявлениями пубертатной сексуальности, очень скоро трансформируется в подобие мифа о Первозачатии, вызывая в памяти смутные ассоциации с любвеобильными богами раннего буддизма или шалостями обитателей Олимпа вроде золотого дождя для Данаи и т. п. Органичное соединение, казалось бы, несочетаемых стилей – еще одна особенность авторского почерка Анатолия Кима. Например, как в данном случае, научного со сказочно-мифологическим, или, ска-

жем, церковно-славянского с современным сленгом и т. д. С приключения молодого художника начинается и расцветает причудливыми узорами калейдоскопа серия любовных историй, трогательных, трагических, весёлых, сложных, а если простых, то всё же равновеликих по значимости всем другим, более сложным. Вот принц Догешти отказался жениться на нареченной невесте, случайно увидев её ненакрашенной; вот вьется долгая дорога в дюнах времён и пространств красавицы Ребекки и поручика Цветова, которых любовь соединила после их трагических личных историй; вот верный своей голубке голубь возвращается домой из любой точки на карте, даже не осознавая того, что верность в любви сделала его лучшим почтовым голубем королевства; вот американский бывший квакер, ставший материалистом уже после смерти, тогда же, в Посмертии, впервые познаёт любовь и ради неё готов идти на новое воплощение...

Кстати, представитель Небесной канцелярии с первых строк готовил нас к тому, что действие романа будет происходить во многих сферах Божественного Мироздания, реальных, виртуальных, ирреальных, независимо от того, верит или не верит читатель в их существование. Однако это ни разу не религиозная литература, равно как и не антиклерикальная. А материалисты могут считать её научной фантастикой (фэнтэзи, по-современному), если им так удобнее. Метафизики имеют возможность заценить остроумие представленной гипотезы. Но всем вместе интересно будет открыть этот ларчик с метачудесами.

Love stories пронизывают все границы многомерности, оставаясь верными своей сути, тогда как неузнаваемо меняются сами влюбленные на переходах в другие сферы. При этом довольно сложный поток любовных перипетий нагружается еще и отношениями наследственности и интенсивным переселением душ всех во всё и обратно. Да и кармические долги каждого никто не отменял. Как говорил Эркюль Пуаро, нашим серым клеточкам скучать не придется. Истинное бессмертие – это любовь, – как бы стучится в личку нашей души месседж с той стороны, из-за грани реальности. Следующее «ответвление» второго шага – творчество. Наше человеческое главное отличие от животных, наш почти основной инстинкт. Ему посвящена одна из главных сюжетных линий романа. Вместо традиционного образа кудрявой девушки в тунике и с лирой в руках здесь в роли музы выступает офис-менеджер Небесной канцелярии, ассистент самого Создателя, Хранитель Слов, как он сам себя рекомендует без ложной скромности. С его подачи в романе происходит своеобразный хэппенинг: он подчеркивает подчиненное положение писателя А. Кима как исполнителя, просто фиксирующего то, что ему диктуют. Но в какой-то момент автор вдруг бунтует, отказывается от своих обязанностей и пытается перейти в разряд персонажа. «Из демиурга в изделие, так, что ли?!» – возмущается Небесный покровитель не совсем логично – это ведь он же сам определил автора исполнителем, а не демиургом. Приведу кусочек из их типичного диалога, слова Хранителя:

«О, дерзкий и неблагодарный! Бунтовщик и тайный роптатель, скрывающий свой ропот в наборе смиренных слов – “старый кривой раб”, “вольнотпущенник”... чем ты недоволен, кривой раб, а ну-ка, сколько тебе за твою коротенькую жизнь дано было написать романов, повестей и рассказов? Ты что, совсем оборзел, приятель?» Нескучные отношения писателя А. Кима с Хранителем Слов разворачиваются в диалогах, которым посвящено немало вдохновенных, скептических, озорных, грустных, злых, лирических, приглашающих к размышлению страниц. Говорит писатель:

«Ничего нет более легкого для меня, чем день-деньской сидеть на одном месте и слово за словом нанизывать на длинные, прихотливые ожерелья русских фраз. А они самые запутанные на свете, самые замысловатые и расхерасперистые, и разбираться в том, что ты насобирал, чрезвычайно интересно и увлекательно. Ведь я и не заметил, как жизнь прошла за подобным занятием».

А вы заметили слово «расхерасперистые»? Поняли тонкость, точность и задорность образа? Надеюсь, после прочтения романа вы согласитесь, что лучшего слова для этого живого, необыкновенного произведения не найти.

Приведенный монолог автора о творчестве является, так сказать, базовым. Что не мешает писателю в одном из следующих эпизодов заклеить творчество как пустое и никчемное занятие, а потом и вовсе проклясть как лживое и вредное. Чтобы потом, через несколько страниц, произнести врезавшиеся в душу слова: это мой последний роман. Не в смысле физически последний – как мы знаем, Анатолий Ким написал после этого несколько блистательных книг и, даст Бог, ещё напишет. Имеется в виду то, как люди прожиают поворотный момент в судьбе, пан или пропал; последний в том смысле, что всё в него вложил, всю душу до доньшка.

Пора возвращаться к основному сюжету.

Строго говоря, вышеперечисленные шаги к обретению вечной жизни – это всего лишь сублимация. И нам вместе с писателем хочется знать, каковы у нас реальные шансы на вечную жизнь без смерти.

Вот здесь и выходит на авансцену титульная фигура романа – Иона.

«Искренний молитвенник Иона всегда отличался в среде своих соплеменников заметной твердолобостью и грубой прямоотой веры».

Такая вот характеристика. Дальнейшие события показывают, что из-за твердолобости всё и завертелось. Коротко фабула этой истории выглядит так. Господь повелел Ионе пойти в город грехов Ниневию и предсказать жителям его уничтожение за грехи. Иона сделал вид, что не услышал Гласа Божьего в своем ухе, и попытался улизнуть. За ослушание был помещен в пасть кита (поскольку горло у кита узкое, то в желудок он не прошел бы). Иона сильно испугался, трое суток молил о пощаде, был прощен и выброшен на берег вблизи Ниневии. Несмотря на то, что никакого профайла о грехах ниневийцев для подготовки к проповеди ему не предоставили, Иона, включив фантазию, добавил к ней набор штампов обо всех грехах, какие знал, и успешно провел свою миссию. Произвел фурор. Потрясенные и прозревшие жители с коллективной молитвой обратились к Богу, чтобы он их простил и помиловал. Бог раздобрился и отменил уничтожение Ниневии. Хэппи энд, казалось бы. Ан нет, тут возбух Иона. Вместо того, чтобы возрадоваться успешному проведению операции, в результате которой и жители исправились, и город остался цел, твердолобый пророк обиделся, что его пророчество не сбудется и его сочтут лжецом. Он наговорил дерзостей Богу, тот тоже не сдержался и опять зашвырнул его в рот несчастного, ни в чём не повинного кита. Морской гигант, запрограммированный на безропотное послушание Господу Богу, понял, что ему грозит голодная смерть из-за непрошенного пассажира под языком; у кита случился нервный срыв, и он покончил с собой, выбросившись на мелководье у берегов Камчатки. А Иону предварительно выплюнул.

Аборигены всё это видели, вспомнили свои языческие мифы о происхождении человечества от сына кита и приняли Иону за этого самого сына (везет же дуракам!). Камчадалы окружили его почетом и уважением, он до глубокой старости катался как сыр в масле, настрогал кучу потомков, а в ста-

рости попросил Бога дать ему наконец отдохнуть в одиночестве, сделать его самым богатым в мире и даровать вечную жизнь. Именно в таком наборе. Бог дал. Никому не давал, а ему дал. Как видим, перед нами евангельская притча, осовремененная в духе Пауло Коэльо, точнее, стилизация под него, или, может быть, пародия, но добрая. И вот ассистент Создателя задумал собрать потомков Ионы и по крови, и по кармическому закону переселения душ, включая голубя и собаку, внес в список жен наследников и решил отправить их на остров, где уже три тысячи лет в одиночестве обитал их прародитель. Писатель А. Ким был назначен начальником и летописцем экспедиции.

Но к тому моменту, когда вся весьма экзотическая компания собралась на берегу залива для последнего перехода, мы давно уже поняли, что экспедиция здесь не главное. Смысл дороги в самой дороге, как гласит древнеки-тайская мудрость. А для тех, кто привык понимать всё буквально, кто «видит цель, верит в себя и не замечает препятствий» (А. и Б. Стругацкие), служитель Неба приготовил красивый, но уклончивый ответ:

«...и через Слово становится ясно всем: и действующим актерам, и артистам, и зрителям, китам, корабельщикам, еврейским пророкам, рыбам, светящимся микроскопическим рачкам, волнам величиной с гору, тучкам небесным, Палестине древней, России современной, часу девятому, минуте этой проистекающей, – что на том спектакле, в котором участвует Сам Господь, все действующие лица, аксессуары, декорации, бутафория (например, канат, в который вцепился Иона, когда его хотели бросить в море), шумы и эффекты – всё пресуществует в состоянии подлинного безсмертия, то есть для них там, в Игре, времени нет, смерти нет, она выделена и удалена в другие пределы».

Как уже было сказано, рецепт вечной жизни явился вовсе не целью, а триггером, включившим более важные темы. Ради которых, возможно, был и затеян весь метароман.

Есть люди, которые за всю жизнь ни разу не задумались о смысле своего существования, которые искренне считают основной вопрос философии скучной, никчемной теорией. Не к ним, не к тем, кто не привык пользоваться мозгом, обращены произведения Анатолия Кима. Он пишет для любопытных, для тех, кто мгновенно ввязывается в спор об ответственности за добро и зло, кто вспыскивает, отстаивая решающее значение творчества для развития общества или смелость для принятия истины, идущей вразрез с привычными нормами. Именно такими темами наполнены многочисленные диалоги героев романа. Читатели этой книги не обязательно должны быть единомышленниками, можно и поспорить, так даже интереснее, – считает Анатолий Ким. В полном соответствии с заветом его любимого «босоногого философа» Сократа: «Подвергай всё сомнению». Вот я сейчас и попытаюсь это сделать. В ткань вечных тем романа включена одна, явно публицистическая, бывшая здорово злободневной в 2001 г., в год написания книги. Как было сказано раньше, книги исповедальной, написанной «как последняя в жизни». Трагедия развала СССР в то время была у всех на устах, в пустых кошельках, изломанных судьбах. Думаю, многие души тогда резонансом отозвались на потрясающий образ бессильно раскинувшегося богатыря, перепоясанного Уралом, которого пожирает проказа, отъедая от могучего тела целые республики... Прошло больше 20 лет. Наше отношение к прошлому изменилось. По рейтингам, более 80% населения бывших союзных республик, и молодежь в том числе! – относится к прошлому более объективно, отмечая в нём не только плохое, но и много хорошего. Главенствует точка зрения, что уроки из прошлого извлекать необходимо, но историю своей страны надо

уважать. Прежней, непримиримой версии придерживаются сегодня в основном те, кто ровно в те годы покинул страну и больше не возвращался, ну и, конечно, те, кому платят за то, чтобы они раздували до сих пор идею прогнившей, но не сдохшей агрессивной империи.

Удивительно, но сегодня этот публицистический момент в романе воспринимается как глубокое ретро, подобно произведениям А. Фадеева, К. Федина, Д. Гранина и многих других замечательных советских писателей. Сегодня мы их читаем с поправкой на время. Не уверена, насколько органично вписывается приведенная публицистика в такой вневременной, актуальный на все времена философский роман. Но, повторюсь, это всего лишь мое личное мнение. А если оценивать книгу в целом, то это явление уникальное. По высокой концентрации художественных образов, эмоциональной насыщенности, многомерности смыслов эту прозу можно назвать поэзией.

Авторский стиль Анатолия Кима неповторим. Он включает в себя все четыре октавы художественной выразительности: от высокого лирического пафоса до самой безудержной веселости и дальше, до самого бессовестного зубоскальства, унаследованного не иначе как от Рабле. Все разномастные компоненты романа, каждый из которых самодостаточен и расхерасперисто выпирает в любую сторону, куда захочет, общей композиции не нарушают, а даже придают ей вид голографической копии всего мироздания.

Напоследок я хочу привести один из эпизодов, где парадоксальным образом доказывается неповторимость жизни с помощью картины смерти – апокалиптической охоты стаи нерп на косяк рыбы, а на всех них – банды касаток. Параллельным монтажом мы видим идущего по волнам покойного поручика Цветова. С высоты птичьего полёта наблюдает за всем происходящим посланник Неба, покровитель писателя, Хранитель Слов.

«Мне сверху хорошо было видно всё широкое поле морской битвы за жизнь, по которому двигалась отрешенная фигурка поручика Цветова. Под ним кипел нешуточный бой, где никто не воевал ни против кого, а каждый воевал только за себя, и невинно умирающая рыба не вызывала чувства скорби своей гибелью в пасти пятнистой нерпы, и мгновенно погибший тюлень, с одного раза перекушенный лязгнувшей гигантской челюстью дельфина-убийцы, не нуждался в воинских почестях и траурном марше. Всё это понимал так же, как и Я, идущий по волнам поручик Цветов, и ему ничуть не было грустно, что он видит жизнь в момент её напряженной кровавой битвы. Гораздо грустнее было поручику при мысли, что он сам уже не участвует в такой доброй охоте и никогда больше не будет участвовать. Преследующие, убегающие, убивающие и гибнущие – в азарте военной страсти – участники битвы не замечали шествовавшего над ними одинокого путешественника из мира иного. И даже когда в нескольких метрах от него убегающие тюлени стали выскакивать на поверхность моря и вода вокруг поручика взбурлила и окрасилась кровью, а какой-нибудь черно-белый убийца хватал за хвост нерпу и, свирепо мотнув головою, с пушечным шумом колотил её корпусом по воде, оглушая еще живую добычу, – даже тогда отрешенная поступь поручика не убыстрилась и не замедлилась, и он проходил через шумное поле битвы с видом равнодушного стороннего наблюдателя».

Мы прикоснулись сегодня к одной из самых мудрых и значимых книг нашего времени.

